

**Читайте книжный сериал
Алсу Идрисовой:**

Давай не будем, мама!

Отпусти меня, мама!

Когда зацветут яблони

Когда
зацветут
яблони

АЛСУ ИДРИСОВА

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И29

Ответственный редактор *А. Цыганкова*

Оформление серии *Е. Петровой*

Идрисова, Алсу.

И29 Когда зацветут яблони: роман / Алсу Идрисова. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-231854-2

Алия мечтала о медицинском институте. Но в татарской деревне времен позднего СССР с мечтами не принято считаться.

Ее выдают замуж за Ильдара, и властная свекровь Сабера сразу дает понять, что невестка — не человек, а рабочие руки. Болезнь мужа, ежедневные унижения, запрет на учебу — брак становится тюрьмой. После смерти Ильдара Алия возвращается в родную деревню с двумя детьми, надеясь начать все заново. Но вместо поддержки ее встречают сплетни, клевета и клеймо «позора».

Рядом разворачиваются другие судьбы: Лизка жертвует любовью ради статуса, а председателя колхоза Анвара держит в прошлом память о погибшей Санье.

Пронзительная семейная сага о позднем СССР, татарских традициях и женской стойкости. О том, как выжить и сохранить достоинство там, где у тебя, кажется, нет права на собственную жизнь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-231854-2

© А. Идрисова, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Не жди от природы милости, сам садочек
сади, сам и вырасти.

Глава 1

—**М**ам! Вылезай! Приехали они!
— Иду! Ах ты господи... Самовар поставь пока!
Катерина Ивановна, близоруко щурясь, набирала квашеную капусту из деревянной кадушки. Над головой ее в такт шагам Лизаветы, суетившейся в кухне, немилосердно скрипели половицы. Иссушающая жара держалась уже несколько месяцев, и старенький деревянный домик, выстроенный еще до революции, жалобно кряхтел от высасывающего соки изнурительного зноя.

В подполе горела всего одна тусклая лампочка, освещавшая шаткую лесенку с крутыми неудобными ступеньками. До угла, где теснились кадушки с маринованными огурцами, капустой и грибами, света лампы уже не доставало, и Катерина Ивановна ориентировалась не столько по памяти, сколько по ядреному запаху, витавшему вокруг кадушек с соленьями.

— Кажись, эта без укропа, — решила она, набирая голыми руками прохладную хрусткую капусту. Любую другую — с клюквой, семечками укропа ли — Юра не признавал. А ей очень хотелось побаловать сына, всегда любившего подсолониться.

Юра — двадцатипятилетний сын Катерины Ивановны — жил в городе и приезжал к матери только на

выходные да в отпуск летом. Он работал электриком и был на хорошем счету у начальства — исполнительный, немногословный, толковый работник. Катерина Ивановна очень им гордилась.

Другое дело — Лиза. Лизавета. Лизонька. За старшую дочь у Катерины Ивановны всегда болело сердце. Она была совершенно неприспособленной к жизни и в свои двадцать восемь казалась пятилетним ребенком, заплутавшим в лесу. После короткого брака, окончившегося разводом, Лиза вернулась в дом к матери — с годовалым Никиткой на руках. Все попытки матери устроить дочь на работу оканчивались слезами и обидами Лизы.

— Что я буду на этом твоём хлебзаводе делать?! — возмущалась она. — Так и скажи, что ненавидишь меня и мечтаешь, чтобы мы с Никиткой уехали!

— Господи, да что ж ты говоришь такое? — пугалась Катерина Ивановна. — Не язык у тебя, Лизка, а помело — машешь им без разбору. Да на хлебзаводе ведь деньги платят, а за Никиткой я присмотрю! Все как у людей будет, пообтешешься, приоденешься, глядишь — и парень хороший найдется.

— Да вся жизнь впереди — успею еще наработать. А если еще раз эту тему поднимешь — уеду к Юрке жить в город, — грозилась Лизка, — и сама приезжать никогда не буду. И Никитку не привезу.

— Напугала, ишь, — хмыкала про себя Катерина Ивановна. — А когда Юрка женится — обратно к мамке прискачешь ли че ли? Невестка уж тебя, дуру, терпеть не станет.

Уехать жить к Юрке — это, конечно, говорилось для устрашения Катерины Ивановны и служило последним завершающим аргументом в любом споре. Юра жил

в маленькой комнатке в общежитии, и «переехать» к нему Лизка не могла при всем желании.

Впрочем, и самого желания что-то менять в своей жизни Лиза не выказывала. А уж когда Юрка заговорил о женитьбе, и вовсе «сдулась». Теперь она плакалась матери, что «все, мы для Юрки отрезанный ломоть, денег на праздники больше высылать не будет». И даже сама заговорила о том, чтобы уехать на заработки на север.

Когда-нибудь потом, разумеется. Не летом же ехать зарабатывать, когда вода в речке так прохладна и свежа, а в саду зреют сладкие ягоды, посаженные матерью.

— Ну когда уже невестыньку мою привезешь? Летом ведь обещались! — спрашивала громко Катерина Ивановна у деревенской телефонной будки. Куры, неприкаянно бродившие вокруг телефона-автомата, испуганно шарахались в стороны от громкоголосой женщины, — Лизка-то на север собралась, давайте не тяните с приездом. Я вам баньку натоплю, пирогов напеку, в саду уже клубника первая пошла. Приезжай, сынок, приезжай.

— Да, мам, ты не суетись, не надо ничего, — неизменно отвечал Юрка. — Приедем еще. Она деревню не очень любит.

— Избалованная, значит, — горько подытоживала Катерина Ивановна, шмякая тяжелую трубку на рычаг. Та, не выдержав немилосердного обращения, жалобно тренькала. Понурившись, Катерина Ивановна шла домой — туда, где ее ждали нескончаемые дела и заботы.

Уже на излете знойного августа наконец была назначена дата «смотрин». Помолодевшая Катерина Ивановна носилась между кухней и залой и накрывала на

стол. В яблоневоm саду была жарко натоплена банька, испечены были самые вкусные пироги — с деревенским творогом, с грибами и картофелем, с капусткой. А в комодe, завернутый в белое вафельное полотенце, ждал подарок для невестки — кольцо, доставшееся Катерине Ивановне от собственной свекрови, ныне уже покойной, и тяжелый старомодный золотой браслет.

— Такое уже не носят, — фыркала Лизка. — Отдай мне. Сдам его в ломбард в городе, все деньги будут.

— Счас вот, ага! Не тобой куплено, не тебе и сдавать! — сердилась Катерина Ивановна. — Иди, не облизывайся на чужое добро. Я тебе серьги подарила из этого комплекта. А это — невестыньке моей...

Катерина Ивановна закрыла крышку кадушки и, придерживая миску с капустой обеими руками, стала осторожно подниматься по скрипучим ступенькам. В горнице отчего-то стояла гробовая тишина, прерываемая лишь тиканьем старинных ходиков на стене.

— Чой-то затихарились вы там? — со смехом начала Катерина Ивановна, появляясь из погреба, и, обомлев вдруг, замолчала. Перед глазами ее возвышались крепкие белые женские ноги с широкими тяжелыми ступнями и неожиданно аккуратными пальчиками. Свободный цветастый сарафан, напоминающий клумбу с маками, гордо демонстрировал окружающим кругленький выпирающий животик.

— Эт-та еще что такое? — Катерина Ивановна всплеснула руками, едва не выронив злосчастную миску с капустой. Передав миску Лизавете и будто не замечая сына, распахнувшего объятия ей навстречу, она обошла невестку кругом, разглядывая со всех сторон, словно дикувинную зверушку. — Это как называется? Это когда ж вы успели, а?! Ведь без году неделя как знакомы!

— А что такое без году неделя? — из-под полы цветастого сарафана высунулась умильная мордашка розовощекого мальчонки и хитро уставилась на Катерину Ивановну. — А это ты теперь моя бабушка, да? Пап, это моя бабушка?

— Какой папа? — до Катерины Ивановны еще не доходило, что мальчонка обращается так к ее сыну, Юре. — Мой сын еще не папка никому, ему двадцать пять годков всего, а тебе, поди... Господи, что ж это делается-то, а?! Ты кого привез, сынок? У нее ж живот на подбородок налез, не видишь ли че ли? Ты где эту бабочку нашел?! Глаза, живот и коса — вот она и вся!

Девушка, смущенно улыбаясь, жалась к Юре, словно ища его поддержки. Катерина Ивановна хоть и была в расстроенных чувствах, но сумела метко и быстро определить главные отличительные черты невестки. Огромные, в пол-лица глаза, напоминавшие по цвету переспелые вишни, ярко сияли на темном загорелом лице; длинная черная коса толщиной с мужской кулак была аккуратно заплетена и небрежно переброшена за спину, а срок беременности, судя по животу, уже давно перевалил за вторую половину.

— Коса-то — чисто змея у ней! — не то подивилась, не то посетовала вслух Катерина Ивановна. — Как зовут-то тебя хоть, невестынька?

— Ну ты даешь, мам! Кто ж так гостей встречает? — укоризненно протянул Юрка, загребая мать и сестру по очереди в объятия. — Даже Баба-яга — и та гостей сначала кормила, поила и в баньке парила. А уж потом только кушала. Ну уж есть-то ты нас не будешь? — он рассмеялся и с нежностью поглядел на свою спутницу. — Знакомьтесь, это Алиа.

— Как?! Алия? — в ужасе переспросила Катерина Ивановна, нашаривая рукой стул за спиной. — Она что, еще и черемиска?!

«Черемиска», улыбаясь, закивала головой и, к полной неожиданности всех присутствующих, с жаром поцеловала руки Катерины Ивановны. Несмотря на огромный живот, двигалась она с легкостью пушинки. Коса, достававшая девушке до пояса, била ее по спине при каждом шаге.

— Почему черемиска? Татарка она. — Юра оторвал от подола Алии мальчонку и развернул лицом к Катерине Ивановне и притихшей Лизе. — А это Роберт, наш сын, — с нажимом сказал он, сделав акцент на слове «наш».

Катерина Ивановна, помертвев лицом, молчала. Не такую невестку она хотела для сына — далеко не такую. Невесткой ей виделась девушка с русой косой и голубыми глазами, с тихим и ласковым голосом и милым сердцу русским именем. А тут такой срам! Чужая кровь, чужие традиции. И коса-то у нее эта — как змея. И татарчонок ее наглый какой, уже со стола пряник стянул.

— Вот, значит, почему не вез невесту, — горько вымолвила Катерина Ивановна, сурово глядя на сына, — Знал, что не ко двору придется черемиска твоя. Что ж не говорит она у тебя ничего? Немая, что ли?

Щеки на кругленьком, словно лик луны, лице девушки вспыхнули от стыда. С силой оторвав сына от стола, она привлекла его к себе, словно находилась в клетке со злыми тиграми и хотела защитить ребенка от хищников. Потом она развернулась к Юре и сказала ему что-то резкое на незнакомом языке. К удивлению Катерины Ивановны, Юра залопотал в ответ что-то оправ-

дательное. Алия покачала головой и вышла из комнаты, не глядя ни на кого, и увела за собой сына.

— Ха! Ушла! Вот и познакомились, — хмыкнула молчавшая до тех пор Лиза. — Ну, братец, удивил так удивил. Ты на мать-то посмотри, до сих пор в себя прийти не может. Да, хороша Маша — да не наша. То есть Алия. То ли я, то ли не я! Что за имя такое, Господи. Еще и с нагульшем.

— Обыкновенное имя. Татарское. Не лучше и не хуже, чем Лиза, — шепотом ответил Юра, и Лиза поняла — он в бешенстве. Чем злее становился Юрка, тем тише он разговаривал — так повелось еще с детства, и кому, как не Лизе, было не знать об этом. — Имя это, если вдруг кому интересно, означает «Подарок небес», — в глазах Юры заметались молнии — этакие молнии-убийцы, освещающие самые темные и жаркие июльские ночи. Он сел за празднично накрытый стол, с беспокойством посмотрел в окно и снова повернулся к сестре и матери. — Нет, мама, она не немая, просто плохо говорит по-русски и немного стесняется. И мальчик этот — не нагулыш. Вдова она, мужа похоронила, осталась с сыном одна. Да, я тебя обманул — любит она деревню, сама оттуда родом. А не вез я ее сюда только потому, что знал: не понравится она вам. Вот только не вам с ней жить, ясно? А я для себя уже все давно решил. Извините — посоветоваться забыл с вами! — в голосе Юры зазвучали металлические нотки.

Женщины слушали, скорбно понурившись. Лизавета от злости кусала тонкие губы.

— Чем же взяла она тебя, сынок? Неужто в селе мы бы для тебя не подобрали хорошую девушку, без богатого приданого, а? — спросила Катерина Ивановна, с жалостью глядя на сына.

— А когда Лизку замуж выдавать будешь, ее приданое куда денется? — зловеще спросил Юрка, громыхнув тяжелым кулаком по столу так, что обе женщины вздрогнули от неожиданности, а в маленькой горнице за занавеской проснулся и заплакал Никитка. — Значит, так. Алия — моя жена. Обижать ее я вам не позволю ни словом, ни взглядом. А начнете козни против нее плести — смотрите у меня обе.

Он резко встал и вышел за дверь, громыхнув ею об косяк так, что со стены сорвалась картина с вышитыми цветами — творение Катерины Ивановны. Лизка, проворно вскочив с места, прильнула к окну, не обращая внимания на требовательный плач сына из комнаты.

— Мальчонка этот клубнику уже высматривает на грядках, — мигом наябедничала она матери. — А девка стоит — будто плачет, Юрка ее лицо в руках держит и говорит что-то. Дождь там накрапывает — он ее пиджачком своим укрыл. Интересно, они что, правда пожениться успели?

— К ребенку иди! Вона надрывается как, не слышишь ли, че ли? — прикрикнула на дочь Катерина Ивановна. Дождавшись, когда обиженно поджавшая губы Лизка скроется в комнате, она подошла к окну и выглянула в сад.

— Ночная кукушка всегда дневную перекукует, — горестно заключила она, наблюдая за молодой парой из окна. — Господи, Господи!.. Ведь видный парень такой, и в школе учился прилично, а вот поди же — свернул на кривую дорожку, с черемиской связался. Вздурила она ему голову, не иначе. Ох, грехи мои тяжкие! Знать бы хоть, от Юрки пузата али нет. Лизка, щи неси на стол да язык прикуси свой змеиный. Ты своего брата знаешь — у него слова с делом не расходятся. Сиди и улыбайся, поняла?

— Поняла, — сердито отозвалась Лизка, появляясь из комнаты с ребенком на руках. — Только черемиску эту я выведу на чистую воду, вот увидишь! И всю ее хитрую монгольскую сущность Юрке открою. Вот и посмотрим тогда, кто ему дороже!

Глава 2

— Чижало им жить будет, Лизка, сердцем чую. Чижало! — в сердцах сказала Катерина Ивановна, наливая себе пятую чашку чая из пузатого самовара. — Не понимает она наших традиций. И Бог у нее в душе не наш. Свой, Магометанский. А до нашего, поди, и дела ей нет.

— И не говори! — Лизка с опаской взглянула на дверь, опасаясь появления брата, и, понизив голос до шепота, доверительно сообщила: — Видела я, как она на тебя смотрела, когда ты иконку ей поднесла для поцелуя. Явно ведь не понимала, что делать надо. А ручки тебе лобызать при встрече кинулась, подлиза такая!

— Этак она и уборку в Пасху затеет, — разволновалась Катерина Ивановна. — Надо будет Юрке-то сказать, чтоб хоть он...

— Ха! Юрке сказать, — передразнила Лизку мать. — Отрезанный он уже ломоть, мам, обратно не приставишь. Околдовала она его — пропал парень! Слышала, как он по-басурмански уже болтает? А она по-русски только «Спасибо» и сказала, когда ты браслет ей подарила. Лучше б мне его отдала — все равно эта гордячка носить его не будет!

— Будет — не будет — это уж не мое дело! И передается он от невестки к невестке, мне еще его твоя бабка дарила, а ей — ее свекруха. Да и как было не подарить?